

Глава 11. Семья Лу

Это был Чэнь Сюэшэн.

Цяо Суйман распахнул калитку во двор и с улыбкой сказал:

— Всё готово, только остывает.

— Мама с самого утра отправила меня первым. Налей мне сразу, чтобы потом не остаться ни с чем.

— Я вскипятил целых три ведра. За других не ручаюсь, но твоё точно приберёт.

Чэнь Сюэшэн нёс четыре бамбуковые трубки и широким шагом вошёл во двор, с глухим стуком опустившись за стол.

Цинь Юй приподнял деревянную крышку, доверху наполнил одну трубку и крепко перевязал её.

— Сюэшэн, эту отнеси сначала домой. Дядя Пин возьмёт её с собой в город, будет по дороге пить.

— Хорошо.

Вчера Чэнь Сюэшэн так и не успел расспросить Цинь Юя, как тот побил Линь Сюхуа, потому что его позвали домой ужинать. Любопытство жгло его всю ночь, так что утром он вскочил ни свет ни заря, даже не дожидаясь, пока мать начнёт ворчать. Теперь он метался туда-сюда, бегая из дома и обратно.

—Цинь Юй-гэ, как ты вчера отделал тётку Линь? Расскажи!

Цяо Суйману тоже не терпелось узнать подробности. Он уставился на Цинь Юя такими же широко распахнутыми глазами, как и Чэнь Сюэшэн. Они почти ровесники, всё время проводят вместе, и теперь их выражения лиц и манеры стали до смешного похожи.

Цинь Юй невольно рассмеялся и протянул руку, чтобы ущипнуть обоих за щёки.

— Да что там рассказывать? У неё изо рта одна грязь лилась, — при воспоминании о мерзких ругательствах Линь Сюхуа его улыбка чуть померкла. —Я просто схватил её, пару раз отвесил пощёчин, потом пнул несколько раз, вот и она разлеглась на земле.

— Вот это да! Жаль, что я всё пропустил. Я бы тебе аплодировал! — сокрушался Чэнь Сюэшэн так, будто пропустил пышное торжество.

— Да ну тебя. Когда позже начнут приходить тётушки и фуланы, ты первым спрячешься. Аплодировать он собрался, — безжалостно поддразнил его Цяо Суйман.

С тех пор как Чэнь Сюэшэн обручился, деревенские жёны и фуланы обожали его поддразнивать. Хуже всего было то, что свадьбу отложили на год. Теперь, стоит ему заметить их издалека, он тут же пускается наутёк.

При одном упоминании об этом Чэнь Сюэшэн скривился. Те всё допытывались, сшил ли он уже одежду для Ван Ци, переживает ли из-за перенесённой свадьбы, сколько детей собирается завести после женитьбы. Выносить эти вопросы было невозможно.

— Ладно, хватит. Посижу ещё немного и пойду домой, пока не наткнулся на них.

Цяо Суйман с трудом сдержал смех и наполнил оставшиеся три бамбуковые трубки.

— Ман-гер, а твоё мастерство всё лучше и лучше.

— Не зря твои напитки на рынке разбирают быстро. И наливаешь щедро, не то что некоторые — восемь, а то и десять вэнь за крошечный глоток.

К нему пришли Фэн Цзе и один пожилой фулан из деревни. По мере того как день разгорался, люди понемногу стекались в дом семьи Цяо за напитками. Большинство быстро уходило, ведь дома или в поле ждали дела.

Те же, у кого забот было меньше, задерживались поболтать — как Фэн Цзе с компанией.

Стоит только собраться кучке фуланов и женщин, и пересудам не будет конца. Из любой мелочи они могли раздуть долгий разговор.

— Так эта бессовестная и правда не может встать с постели?

Старый фулан Лю жил неподалёку от семьи Ван и в тот день ходил посмотреть на переполох. Когда толпа разошлась, он слышал, как Линь Сюхуа воет от боли. Ясно было, что ей досталось не слабо. Уже два дня её не видно на улице. А осторожные расспросы у Ли Юэ показали: теперь ей даже еду подают в постель.

— Да как же это может быть неправдой? Я своими ушами слышал. Эти двое дрались как дикие звери, визжали один громче другого. Моего бедного внука так напугали, что он потом долго рыдал.

— Так ей и надо, за такую бесстыдную выходку, — фыркнула одна из тётушек.

— У дядюшки Вана на голове такая шишка! Спорим, это жена его чем-то огрела? — прошептала Фэн Цзе.

Старый фулан Лю расхохотался:

— Точно! А он всё твердил, что сам ударился. Да кто ж в это поверит?

— И ещё уверял, будто никогда не хотел, чтобы Ван Лин шла в наложницы. Да у мёртвой утки рот и то мягче!

Все в этой компании видели весь переполох своими глазами и прекрасно знали, что именно говорил Ван Цин. Он просто цеплялся за своё мужское достоинство, надеясь парой фраз отмыть себя от вины.

— И сама Ван Лин не лучше. Девушка-то неплохая, а решила стать наложницей. Что в этом хорошего? Разозлишь законную жену — и выкинут тебя с позором, да ещё и всю деревню опозоришь.

Цяо Суйман сидел чуть поодаль, слегка опустив голову. Он разливал напитки, вполуха слушая разговор, будто всё ещё не отошёл от вчерашнего, но заставлял себя держаться.

А вот Цинь Юй слушал с живейшим интересом.

— По-хорошему, если кто из беженцев на западной окраине не против, то Ванам бы поскорее выдать её замуж, — сказал старый фулан Лю.

— Да кто её возьмёт? На западе-то одна нищета.

— Семья Лу, кажется, живёт не так уж плохо. Старший сын ведь учеником у мастера по бамбуку был, верно?

Цинь Юй насторожился. Лучшего случая разузнать подробности не найти. Он как бы между прочим спросил:

— Тот самый, что в травах разбирается?

Цяо Суйман невольно напрягся и бросил взгляд на Цинь Юя. Он прекрасно понимал, к чему тот клонит.

Фэн Цзе с остальными были людьми осведомлёнными: целыми днями судачили и знали дела каждой семьи как свои пять пальцев.

— У старой госпожи Лу девичья фамилия Мяо. Я пару раз её видела. Вышивает она мастерски... это не в земле копать. Старик Лу был учёным, даже какое-то звание получил... туншэн, кажется? Жаль, здоровье у него было слабое, умер много лет назад, оставив её с двумя сыновьями.

Деревенские жили тяжёлым трудом, поэтому к грамотным людям относились с почтением. Пусть туншэн и не был настоящей чиновничьей степенью, для них это всё равно казалось недостижимой высотой. Одним лишь обучением деревенских детей иероглифам можно было заработать несколько монет.

«Значит, мать его — Мяо, и есть у него младший брат...» — задумался Цяо Суйман.

Потерять кормильца и одной растить двоих сыновей — нелёгкая доля. А потом ещё и бежать с родных мест... Цяо Суйман тихо вздохнул про себя. Судьба и к ним была жестока.

— Зато теперь обосновались. Старик Лу учился вместе и состоял в дальнем родстве с тем учителем из городской академии. Когда они бежали сюда, тот учитель им сильно помог. Старосту с тётушкой Цянь чуть удар не хватил, когда они вдвоём явились к нему во двор, — закончила Фэн Цзе.

Едва она договорила, как во двор семьи Цяо, звонко смеясь, вошла женщина в неброской льняной рубахе зелёного цвета.

— Это вы о чём? За моей спиной судачите?

Это была Цянь Юнь, жена деревенского старосты. Молодёжь звала её тётушкой Цянь. Должно быть, староста послал её.

Цяо Суйман поднялся и принял у неё бурдюк для воды. Такие вещи могли позволить себе лишь зажиточные семьи. Остальные довольствовались бамбуковыми трубками. Он осторожно открыл крышку и зачерпнул ковш напитка, наполнив бурдюк до самого верха.

— Мы про семью Лу с западной окраины говорили. Разве не ты рассказывала, что, когда

учитель из академии к вам заявился, ты от страха собственную фамилию забыла? — поддразнила её женщина примерно её возраста.

Цянь Юнь не строила из себя важную особу, хоть и любила поучать. Если у кого в деревне и было больше всего новостей, так это у неё. Люди часто приходили к ней за слухами, и она ничего не скрывала — если только дело не касалось чьих-то постыдных тайн.

Когда семья Лу поселилась здесь, о своих обстоятельствах они рассказали старосте. Им нужно было влиться в общину, поэтому староста и Цянь Юнь отвечали откровенно, когда их спрашивали.

— Да уж! Учёный в синем халате и в матерчатой шапке стоит у наших ворот. Я уж решила, что он пришёл учеников набирать! — хмыкнула Цянь Юнь.

Цяо Суйман невольно рассмеялся, глядя на преувеличенно-испуганное выражение лица Цянь Юнь. Остальные во дворе тоже разразились смехом. Все они были простыми деревенскими людьми — увидеть настоящего учёного для них редкость.

Недаром горожане зовут их неотёсанными. В их семьях из поколения в поколение знали только землю да плуг. Откуда бы им встретить учёного?

— Зато у них есть к кому обратиться за помощью. Покинуть дом и оказаться в чужих краях... даже представить трудно, как это тяжело, — тихо произнёс Цяо Суйман.

До сих пор он почти не говорил, и его первые слова оказались сочувствием к чужой беде. Взрослые невольно растрогались его спокойной зрелостью и мягким сердцем.

У Цянь Юнь вскипела кровь при воспоминании о том, как всего несколько дней назад обидели этого доброго, жалкого гера.

— Ты ещё молод и добр — это хорошо. Но если кто-то вздумает тебя обижать, надо уметь дать отпор. Нельзя быть мягкой булочкой для всех подряд.

Цяо Суйман моргнул и тихо сказал:

— Я просто....

— Хватит! Эта старая ведьма из зависти к твоему мастерству повсюду тебя поносила. Бесстыдница! Не получила желаемого, вот и пустила слухи.

— Глупый ребёнок, у некоторых сердце слепое. Сколько ни старайся, им всё мало. Если кто ещё раз тебя обидит, то приходи ко мне, я с ними разберусь!

Бедный, наивный ребёнок. Цянь Юнь и Фэн Цзе вдруг почувствовали, как в них просыпается желание защитить его. Такого хорошего мальчика нельзя позволить дать в обиду.

Стоило им начать, как остальные тоже заговорили, словно родные, вступающиеся за своего.

— Юй-гер, Ман-гер слишком мягкий. Ты должен его направлять в правильное русло и не давать страдать. Когда он выйдет замуж, ты ведь не сможешь всё время быть рядом!

— Не позволяй им тебя сломить. Ты ещё так молод, вся жизнь впереди! Это у Линь Сюхуа судьба дурная!

Цяо Суйман и Цинь Юй на мгновение растерялись под этим потоком заботы, поспешно закивали и постарались перевести разговор.

— Братья Лу — толковые ребята. Старший учился у мастера по бамбуку. В прошлом месяце он одалживал у нас пилу и стамеску — делал вещи на продажу. Младший ещё совсем мальчишка, а уже ответственный, сумел привести в порядок выделенный им пустырь. И имена у них необычные — оба «древесные»: Лу Дунцин и Лу Сюэсун. Учёные и правда дают другие имена.

«Тогда почему он собирает травы?» — подумал Цяо Суйман.

— Я слышал, он и в травах разбирается. Учился этому? — с любопытством спросил Цинь Юй.

— Ах, его отец с рождения был слаб здоровьем. В последние годы почти всё уходило на лекарства. Покупка трав разоряла их, вот и научились сами собирать, чтобы сэкономить. Да...тяжёлая у них жизнь... а ведь они ещё так молоды, а уже столько вытерпели.

Цинь Юй нахмурился, вспомнив о Цяо Жуйфэне и Цяо Суймане. С таким бесполезным отцом, как Цяо Чэнфу, в деревне часто говорили: «дурной бамбук, а побеги у него хорошие». Дойти до сегодняшнего дня им стоило немалых усилий.

С беженцами он почти не общался, ведь жили они на отшибе и держались особняком. Но раз тётушка Цянь отзывалась о семье Лу благосклонно, на душе у него стало немного спокойнее.

Компания вскоре разошлась, продолжая болтовню уже во дворе у Цянь Юнь.

По дороге Фэн Цзе вздохнула:

— Братья из семьи Цяо такие способные. Жаль только, что им достался такой отец.

Рисовые поля семьи Цяо с одной стороны граничили с участком старосты, а с другой — с землёй семьи Чжэн, родней Фэн Цзе по мужу. Обе семьи были честными, серьёзных конфликтов между ними не случалось. Муж Фэн Цзе, Чжэн Кай, был куда старше Цяо Жуйфэна и уже больше десяти лет с юности занимался мелочной торговлей.

Шесть лет назад безрассудные траты Цяо Чэнфу привели к долгам перед трактиром. Когда сборщики долгов нагрянули к ним домой, Ли Хуа ничего не оставалось, как продать один му рисового поля и один му сухой земли, чтобы расплатиться. Часть денег ушла и на лечение самого Цяо Чэнфу. Ту землю тогда купил Чжэн Кай.

Вероятно, и деньги на покупку Цинь Юя взялись оттуда же. А что стало с остальным, Ли Хуа до самой смерти так и не рассказала — всё уходило к Цяо Чэнфу. Сколько там осталось, никто не знал.

Три семьи жили по соседству и часто общались между собой, потому и сочувствовали детям семьи Цяо.

Когда-то дом Цяо процветал. Старый глава рода был человеком способным и скопил немалое состояние. Но его сын, Цяо Шань, оказался никчёмным — бездельничал, всё твердил о том, что «разбогатеет», а сам только деньги транжирил.

К тридцати годам он взял в жёны Ли Хуа. Но после свадьбы погиб от рук разбойников в одной из поездок, оставив после себя Цяо Чэнфу. Ли Хуа трудолюбием не отличалась, жила за счёт постепенно тающего семейного достатка. А Цяо Чэнфу только пил да распускал руки. Так дом

их мало-помалу и обнищал.

Он тоже поздно женился — на бедной девушке из другого уезда, которую родные продали с рук. Жизнь её была горькой: свекровь суровая, муж жестокий. Так тянулись годы, пока она не умерла при родах, рожая Цяо Суймана. Так двое братьев и остались одни, вынужденные сами заботиться о себе.

К счастью, они выросли способными людьми и не унаследовали пороков старших. Их жизнь понемногу налаживалась.

— Жуйфэн уже женат, и с Юй-гером они прекрасная пара. Жаль только, что пока нет ребёнка. А Ман-гер такой послушный, столько обид вынес, ни слова не сказал. Хорошо хоть брат за него вступился.

— И правда! Такой мягкий ребёнок и столько злобы на него вылили.

— У Линь Сюхуа совести нет, годами их изводила. Так ей и надо.

— Я всегда говорила, что слухи про «дурную судьбу» Ман-гера — чепуха. А люди верили, и всё из-за той женщины. Если ещё кто вздумает языком трепать, то я им всё выскажу!

После решительных слов Цянь Юнь, несколько человек невольно притихли. Раньше и они разбалтывали слухи о «дурной судьбе» Ман-гера — то ли наполовину веря, то ли просто ради болтовни. Но теперь, приняв от него угощение и вспомнив, как яростно Цяо Жуйфэн тогда вступился за брата, они поняли: впредь лучше не распространять подобных слухов и не задевать семью Цяо.

<http://bllate.org/book/15225/1374076>